

— Если бы мы этого не сделали, обратил бы хан на нас внимание? — медленно произнес Цуй Буцуй. — Хан отправил Цзинь Лянь на Центральные равнины, но теперь, когда мы, представители Империи Суй, приехали сюда, с нами обращаются таким образом, это действительно ранит сердце.

Апа-хан негромко спросил:

— Когда это я отдавал такой приказ? Все было продумано и сделано самой Цзинь Лянь, и, если бы не гости, которые пришли со всех восьми сторон, я бы уже ее сурово наказал!

Пока они разговаривали, его взгляд обратился в сторону Фо Эра, но тот, казалось, не заметил этого, опустил голову, чтобы выпить немного чая.

Но став свидетелем этой сцены, Цуй Буцуй мог предположить, в чем тут причина.

Похоже, перед тем как они прибыли сюда, несомненно, что-то произошло, возможно, прибывший первым Фо Эр заставил хана подчиниться, потому что хан не посмел бы оскорбить лучшего мастера боевых искусств среди тюрков, а Цуй Буцуй и его компания выглядели не столь впечатляюще, вот он и выбрал Фо Эра на данный момент в качестве стороны, которая с наибольшей вероятностью победит.

— Хан боится оскорбить Бага-Ышбара-хана, но не боится оскорбить Империю Суй? — холодно спросил Цуй Буцуй.

Кто-то из сидящих рядом с ханом рассмеялся:

— Это вы трое представляете Империю Суй? Если все люди с Центральных равнин такие ничтожные, то бояться нечего. Насколько я понимаю, Младшая Кедун просто была введена вами в заблуждение, кто знает, не соблазнил ли ты ее, чтобы вынудить согласиться с вами...

Этим человеком оказался тот самый молодой человек из окружения хана, который грубо обошелся со служанкой.

Судя по его возрасту, если он имеет право сидеть здесь, значит его личность определенно необычна. Он даже мог бы быть сыном хана или племянником, или родственником кого-то из его близких. По тому, как он вел себя по отношению к служанке, можно было увидеть его авторитет, и сейчас он просто пользовался случаем, чтобы выставить себя напоказ.

К сожалению молодого человека, Цуй Буцюя невозможно было одурачить подобным образом.

И Фэн Сяо тоже.

Поэтому, прежде чем его голос затих, Фэн Сяо уже сорвался с места и устремился к нему.

Фо Эр внимательно следил за их движениями, естественно, он не собирался быть просто зрителем и немедленно бросился вперед, чтобы загородить молодого юношу, блокируя движение Фэн Сяо одним ответным ударом.

В юрте началось сражение, шум которого наполнил весь лагерь. Повсюду были опрокинуты и разбиты чашки и тарелки, а люди, наблюдавшие за этим, не могли не начать разбегаться с громкими криками, чтобы ненароком не стать случайной жертвой битвы. Апа-хан не произнес ни слова, как будто хотел посмотреть, кто из них двоих сильнее, прежде чем принимать решение, на чьей стороне ему следует быть.

Рукава Фэн Сяо взметнулись, и стол взлетел в воздух, устремившись в направлении того самого юного приближенного хана. Последний хотел избежать этого, но из-за своего потрясения случайно наступил на подол собственной одежды и плюхнулся на ягоды. Фо Эр даже не обернулся, он и бровью не повел, когда вырвавшаяся из его ладони волна внутренней силы разбила стол в щепки еще в полете, едва позволив приближенному хана избежать кровопролития.

В Люгуне Фо Эр не смог убить Фэн Сяо, но не потому, что его боевые искусства были недостаточно хороши, даже если он был немного слабее Фэн Сяо, они все еще могли сражаться на одном уровне. Однако, поскольку там присутствовали другие люди и мастера боевых искусств, он не мог сосредоточиться и упустил хорошую возможность, поэтому вынужден был отступить. Однако в этот он имел возможность собрать все силы и выложиться по полной, высвободив всю заключенную в нем энергию, чтобы продемонстрировать свои дикие и непредсказуемые приемы. На некоторое время Фэн Сяо даже не мог отвлечься от него, чтобы обратить внимание на то, что происходит вокруг.

Как только он понял, что опасность миновала, и что Фэн Сяо пока всецело поглощен поединком, юный приближенный хана, обернувшись, бросил взгляд на стоявшего в стороне Цуй Буцую и холодно рассмеялся, а после махнул рукой, приказывая страже задержать его.

Очевидно, этот человек никогда не был на Центральных равнинах, поэтому, естественно, абсолютно ничего не знал о мире Цзянху и о существовавшем там неписаном правиле: чем красивее женщина, которая путешествует по Цзянху, тем опаснее к ней приближаться.

Таким образом, Цяо Сянь, которую Цуй Буцой наставлял с детства, в мгновение ока сбила с ног всех тех солдат, которые посмели ее недооценить. Цуй Буцой всегда учил, что для умирения врагов, нужно победить их предводителя, поэтому, покончив с ними, она немедленно переключилась на юного приближенного хана. Последний только почувствовал, как завертелся мир перед глазами, прежде чем острая боль пронзила его плечо, а зрение затуманилось, прежде чем его швырнули на землю, прижав сверху ногой.

Нога с нежной кожей, тоньше, чем у обычных тюркских женщин, наступала ему на голову. Этот юный негодяй обычно хватал девушек, чтобы немного поиграться, но сейчас он не смел даже думать о вожделении к этой женщине, потому что эти ноги обладали невероятной силой, что любое его сопротивление было бы бесполезно. Вместо этого он чувствовал, как его лицо прижимается и трется все сильнее о ковер на земле. Ему было так больно, что из его глаз потекли слезы, он не мог удержаться от ругани, угроз и попыток вырваться, но, к сожалению, все было тщетно.

Цяо Сянь понятия не имела, что он говорит, но по его тону могла сказать, что тот выкрикивал ругательства, она наклонилась и заломила ему руки. Лицо молодого тюрка исказилось, и он громко завопил, призывая Апа-хана на помощь.

Немногим ранее этот юноша унижал их и называл жалкими людишками с Центральных равнин.

Но теперь его положение было даже унижительнее, чем ранее у той упавшей служанки.

— Остановитесь! — наконец, громко выкрикнул Апа-хан.

Стражники с мечами в руках ворвались в юрту и окружили их, но поскольку Фэн Сяо и Фо Эр все еще сражались, никто не осмеливался приблизиться.

Апа-хан сердито воскликнул:

— Вы сказали, что пришли как гости, по-вашему, так должны себя вести гости?!

Цуй Буцуй спокойно ответил:

— Разве вы, тюрки, не любите говорить, что побеждает сильнейший? Мы на ваших землях, поэтому соблюдаем эти правила. Разве это не ваши собственные правила? Когда придет время, когда вы решите, что мы можем сесть и поговорить, тогда мы сможем мирно согласиться.

Прямо сейчас два лучших мастера боевых искусств вели сражение. Кроме Апа-хана, который сидел немного поодаль в окружении стражи, более сдержанно вела себя Цзинь Лянь, остальные либо выбежали из юрты хана, либо трусливо попрятались, боясь быть вовлеченными.

Только Цуй Буцуй стоял с прямой спиной и определенно не выглядел кем-то слабым из-за своей болезненности. Он был, словно крепкая сосна, возвышающаяся посреди волчьего логова.

Гнев Апа-хана усилился, он все еще раздумывал, стоит ли ему убить этого человека. Цуй Буцой видел его мысли насквозь, поэтому заговорил первым:

— Прежде чем они решат схватить меня, мои подчиненные успеют обхватить вашу шею. Оправдают ли ваши люди ваше доверие, или мои все же будут быстрее? Готовы ли вы поставить на кон свою жизнь против моей?

Очевидно, Апа-хан не собирался рисковать собственной жизнью. Взвесив варианты, он, наконец, решил, что другого пути нет, поэтому громко сказал:

— Обоих я прошу остановиться, вы все здесь мои любимые и почетные гости, я надеюсь, никто не будет враждовать друг с другом. Завтра состоится собрание Восьми кланов, где будет соревнование. Если к тому времени оба гостя все еще будут желать сразиться друг с другом, покорно прошу!

После его слов Фэн Сяо и Фо Эр разошлись в разные стороны и теперь бесстрастно смотрели друг на друга издалека.

На самом деле, Фо Эр не был так спокоен, каким казался на первый взгляд. Кровь поднялась к его горлу, и только через некоторое время ему удалось успокоиться. Разодранная одежда на плече врезалась в плоть.

У Фэн Сяо же были порваны рукава, но дыхание оставалось спокойным, и, за исключением того, что он выглядел теперь немного неряшливо, в нем не было ничего необычного.

Со стороны казалось, что в этом бою верх одержал Фэн Сяо.

— Только что сын Вашего Величества назвал нас жалкими людишками с Центральных равнин,

как же вышло, что через некоторое время мы вдруг стали почетными гостями? Я доставил указ самого Императора, и причина, по которой я приехал — стремление к миру в обеих наших странах. Если хан откажется заставить своего сына сейчас же извиниться перед нами, пожалуйста, простите меня за то, что я посчитаю это неприемлемым! — голос Цуй Буцюя громко и отчетливо разносился по всему пространству юрты, не оставляя Апа-хану возможности выйти из этой ситуации, поскольку он требовал извинений от члена его семьи, в настоящее время прижатого к земле.

Что касается этого самого члена семьи, то с того момента, как он позвал на помощь, Цуй Буцюй уже знал, что это, должно быть, второй сын Апа-хана, которого ранее упоминала Цзинь Лянь, принц Эйд.

Апа-хан устремил на него яростный взгляд, но он не мог бросить своего сына. С их навыками боевых искусства, эти трое, возможно, при любых обстоятельствах способны уйти из его юрты живыми. Если они действительно захотят сыграть жестоко, он не сможет этому помешать.

— Эйд, извинись перед почетными гостями. Прежде всего это ты был неправ.

— Я... нет! — принц Эйд ведь просто хотел покрасоваться, как же вышло, что в мгновение ока он перестал как-либо отличаться от свиньи...

Этот человек был невероятно напыщен и безрассудно смел, иногда он даже позволял себе неуважение по отношению к Цзинь Лянь. Поэтому, с самого начала наблюдая за происходящим, Цзинь Лянь в глубине души не могла не порадоваться.

Однако в настоящее время он находился в невыгодном положении, так что у принца Эйда не было другого выбора, кроме как неохотно извиниться. Цяо Сянь ослабила хватку, и он с помощью охранника поднялся на ноги. Он чувствовал, что совершенно потерял лицо, остался только стыд, и он не мог удержаться от свирепого взгляда в сторону Цуй Буцюя и его людей, прежде чем быстро покинуть это место.

— На этот раз царство Шуле не прислало никого на собрание Восьми кланов, но зато есть почетные гости с Центральных равнин, — Апа-хан заставил себя рассмеяться. — Грядет

шумное и многолюдное событие. Это место больше не подходит для приема гостей, поэтому, пожалуйста, отправляйтесь отдыхать. К вечеру я устрою празднество и приглашу вас всех сюда.

В этот момент вбежал слуга и наклонился к его уху, чтобы что-то прошептать. Цвет лица Апа-хана внезапно изменился, и он повернулся, чтобы пристально посмотреть на Фо Эра.

— Мы не ожидали почетных гостей с Центральных равнин, поэтому места недостаточно. Мы можем поселить гостей с Центральных равнин лишь по соседству с мастером Фо Эром, есть ли какие-либо возражения по этому поводу?

— Поскольку таково условие хана, мне остается только принять его, — прямо сказал Фо Эр.

Цуй Буця и остальных отвели в их юрту, внутри которой царило великолепие. Судя по внешнему виду, это было место, используемое членами семьи хана. Здесь явно не было намерения оскорбить их. После только что произошедшего инцидента Апа-хан не посмел бы снова сеять неприятности из-за таких пустячных вещей.

Цяо Сянь была невероятно обеспокоена. Она не могла отделаться от мысли, что ночью тюрки придут с вражескими намерениями и осадят их, пока они спят. У них много людей, даже если она пожертвует собой, невозможно будет защитить Цуй Буця.

Однако Фэн Сяо вел себя так, словно находился в собственном доме. Он даже отправил Цяо Сянь разведать, действительно ли, кроме юрты рядом с жилищем Фо Эра, нет другого места, где они могли бы разместиться.

Когда Цяо Сянь возвратилась, она принесла с собой блюдо с фруктами. По ее словам, его прислал Первый принц, который также просил передать, что может предложить им какое-нибудь другое жилье, если почетные гости чувствуют себя здесь некомфортно.

Тюрки, естественно, жили не так богато, как жители Центральных равнин, но это не мешало

им наслаждаться роскошью высшего общества. Эта юрта была не так просторна, как юрта хана, но она не сильно уступала. Их ноги утопали в толстых циновках из козьих шкур, по обеим сторонам располагались постели. Здесь также была картина, сотканная из цветных полосок ткани, и медный чайник, стоящий на золотом блюде, отделанном бирюзой. С одного взгляда можно было определить, что они привезены из западных стран, только трудно было сказать, украдены они у кого-то или куплены.

Фэн Сяо удобно откинулся на мягкую подушку и сказал:

— Тогда не о чем беспокоиться.

Цяо Сянь не понимала, почему из-за этих слов, переданных первым сыном хана, можно перестать беспокоиться.

Фэн Сяо повернулся к Цуй Буцюю и вздохнул:

— И ты называешь Пэй Цзинчжэ глупым? Твои собственные люди тоже умом не блещут.

Цуй Буцюй сказал:

— Вместо того, чтобы заниматься своими ранами, командующий Фэн собирается болтать глупости? Ты действительно считаешь себя в данный момент непобедимым?

Фэн Сяо улыбнулся:

— Видишь, как ты внимателен ко мне. Поверить не могу, что ты меня раскрыл.

Только тогда Цяо Сянь заметила, что Фэн Сяо выглядит немного бледнее, чем обычно.

Фэн Сяо ослабил свой пояс и обнажил плечо. Там была темно-красная отметина, явно только что оставленная Фо Эром.

Практикующие боевые искусства обычно защищают себя энергией ци, поэтому, как правило, раны, которые не кровоточат, но оставляют на теле следы, связаны с внутренним кровотечением.

Цяо Сянь была немного озадачена:

— Фо Эр ранил тебя?

Она и сама заметила, что на этот раз, похоже, навыки Фо Эра улучшились. Однако она никогда не сражалась с ним один на один, так что это были лишь предположения. Однако состояние Фэн Сяо подтвердило ее мысли.

— Не думай, что, если Фо Эр хорошо выглядит, он остался совершенно невредим, — небрежно бросил Фэн Сяо. — Я знаю, что он точно проглотил собственную кровь и пытался притвориться, что все в порядке. Но это только усугубит его раны. Могу поспорить, что в этот момент он тоже пытается залечить свои раны!

Договорив, он закрыл глаза и ушел в медитацию, иницилируя процесс самоисцеления.

— Если при дворе хана есть другие места, где мы могли бы жить, но хан предпочитает лгать и вместо этого заставляет нас оставаться рядом с Фо Эром, то это означает, что он просто хочет посмотреть, как два тигра сражаются насмерть, или возможно, он еще не решил, с какой стороной он хочет вступить в союз, поэтому он хочет, чтобы мы сражались друг с другом, чтобы увидеть, кто сильнее, прежде чем принимать это решение, — сказал Цуй Буцуй.

Цяо Сянь сердито бросила:

— Какой ублюдок! Во-первых, он, очевидно, отправил Цзинь Лянь.... Ах, да, есть ведь еще Цзинь Лянь! Только, похоже, в этой ситуации она даже не пытается вступить за нас. Ни один из этих тюрков не заслуживает доверия!

Цуй Буцуй:

— Возможности к нам еще придут. Завтра, во время собрания Восьми кланов, мы не можем себе позволить остаться в тени. Мы обязаны выделиться, как можем, и проявить наилучшим образом все свои способности. Нам нужно не только победить Фо Эра, но и дать понять другим кланам, что Центральные равнины не являются слабыми. Чем могущественнее будем мы, тем скромнее будут они.

Вскоре «ненадежная» Кедун Цзинь Лянь появилась на пороге их дома.

Ее первыми словами была следующая фраза:

— Вы в беде!

<http://bllate.org/book/13926/1227047>